

Хотен Блудович

- Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Было пированьице — почестный пир
На многих князей, на бояр,
На русских могучих богатырей,
И на всю поленицу удалую.
Красное солнышко навечере,
Почестен пир идет навеселе.
На том ли на пиру на почестном
10. Было две честных вдовы:
Первая вдова Блудова жена,
А другая вдова Часовая жена.
Честная вдова Блудова жена
Наливала чару меду сладкого,
Брала эту чару во белы руки,
Подносила честной вдовы Часовой жены,
И за этой чарочкой посваталась
На честной девицы на Чайной Часовичной
За своего за сына за любимого,
20. За того Хотенушку за Блудовича:
«Ай же ты, честная вдова Часовая жена!
Свядем-ко мы детей в одно место,
А мы будем с тобой родные родницы,
Родные родницы, сватьюшки!»
Честная вдова Часовая жена
Взяла эту чару в белы руки
И вылила ей чару во ясны очи,
- Облила ей шубу камчатую,
Пушек морской, вершок дорогой,
30. Сама говорила таковы слова:
«Уж ты, сука-б..., Блудова жена!
Дойдет ли Чайну Часовичну взять за себя,
За своего Хотенушку за Блудовича!
Как твой был мужище-то Блудище:
Блуд блудил по Новугороду;
А сынище-то твой уродище:
Ездит по городу, уродует,
Со своим со паробком любимым,
Ищет бобового зерненка,
40. А где бы-то Хотену обед снарядить.
Моя ли Чайная Часовична
Сидит-то во тереме вся в камке,
Во славном-то тереме, златом верху:
Ю буйные ветры не оввеют,

- Красное солнышко не обпекет,
Частые дождички не обмочат,
Добрые люди не оббаят,
Не надсмеется над ей пьяный пьяница.
Още есть у меня девять сыновей,
50. У Чайной Часовичной девять братцев,
Они ездят во чистом поле, полякуют;
Полонят они Хотенку во чистом поле,
И привяжут ко стремени седельному,
И привезут Хотенку ко мне налицо:
Захочу — его кладу во повары,
Захочу — кладу его во конюхи,
Захочу — продам на боярский двор».
А стала тут вдова обещена,
Пошла со честна пира невесела,
60. И невесела пошла, нерадостна:
«Замарала мою шубу камчатую,
Пушок морской, вершок дорогой».
Приходит ко терему высокому,
Ко тому крыльцу белодубову,
Стретаает ее рожоное дитятко,
Молодой Хотенушка Блудович,
Сам говорит таковы слова:
«Свет-государыня, моя матушка,
Что же ты идешь с честна пира невесела,
70. И невесела идешь, нерадостна?
Али место ти было в пиру не по любви,
Али чарою тебя пообнесли,
Али надсмеялися пьяный пьяница?»
Тут возговорит Хотенина матушка:
«Свет ты, мое чадо милое,
Молодой Хотенушка Блудович!
Место мне-ка на пиру было по любви,
А чарой меня не обнесли,
И не надсмеялся пьяный пьяница.
80. Надсмеялась надо мною честная вдова,
Честная вдова Часовая жена.
Подносили мне-ка чару меду сладкого;
Я за этой чарочкой посваталась,
У честной вдовы Часовой жены,
На честной девицы на Чайной Часовичной,
За тебя, Хотенушку, за Блудовича.
Она чары-то не выкушала,
Вылила мне чару во ясны очи,
Облила мою шубу камчатую,
90. Пушок морской, вершок дорогой.
Сама говорила таковы слова:
Уж ты, сука-б..., Блудова жена!

- Дойдет ли Чайну Часовичну взять за себя,
За своего Хотенушка за Блудовича?
Как твой был мужище-то Блудище,
Блуд блудил по Новугороду,
А сынище-то твой уродище
Ездит по городу, уродует,
Со своим со паробком любимым
100. Ищет бобового зерненка,
А где бы-то Хотену обед снарядить.
Моя ли Чайная Часовична
Сидит во тереме вся в камке,
Во славном-то тереме, златом верху,
Ю буйные ветры не о́ввеют,
Красное солнышко не о́ппекет,
Частые дождички не обмочат,
Добрые люди не о́ббоят,
Не надсмеется над ней пьяный пьяница.
110. А есть у меня девять сыновей,
А у Чайной Часовичной девять братцев,
Они ездят во чистом поле, полякуют,

168

- И полонят Хотенку во чистом поле,
И привяжут Хотенку к стремени седельному,
И привезут Хотенку на свой-то двор,
Захочу — его кладу во повары,
Захочу — кладу его во конюхи,
Захочу — продам на боярский двор».
Спроговорит Хотенка таковы слова:
120. «Я ей эту насмешку отсмеюсь!»
Брал-то любимого паробка,
Поехали по городу по Киеву уродовать.
Подъезжал ко терему высокому,
Где сидит Чайная Часовична,
Ударил палицей булатнеей
По тому по высокому по терему:
Не было ни бури, ни падари,
Не было погоды непомерные —
Вереи свалились среди двора,
130. А про широкие ворота и слыху нет,
Высок-то вершок в чисто поле слетел;
Во тереме околени поломались,
Полки-грядки повыпадали,
Кирпична печка порассыпалась,
Одва тут Чайной со страху смерть не пришла.
Тут-то Хотенко и посватался:
«Молода Чайная Часовична!
Если с чести идешь, за себя возьму,
А нет, так возьму за товарища,

140. За своего любимого за паробка:
По зубам ты, Чайна, рассыплешься,
По власам ты, Чайна, распóлстишься,
По ногам ты, Чайна, расширишься,
А как станем держать за единочку,
То всяк-то свою половиночку.
А я поеду во чисто поле,
Ты пошли туда девять братцев:
Там с ними свидимся и перевидимся».
И поехал Хотенка во чисто поле,
150. Пораздернул бел шатер,
Ложился во шатрик спать,
А паробка поставил ко белу шатру:
«Стой-ко, паробок, ко Новугороду,
Востренько гляди ко городу ко Киеву,
Как выедут Часовичи в чисто поле,
- Если поедут по два, по три в одном месте,
То у них есть думушка ровная,
Ровная думушка, не розная;
А поедут тот наперед, другой наперед,
160. То у них есть думушка розная;
И ты буди меня со крепка сна».
Выехали девять братцев во чисто поле:
Тот едет наперед, другой наперед,
Тот едет хорош, другой лучше того,
Всякому надобно повыславиться.
Как увидел паробок их думушку розную,
Не будил Хотенку со крепка сна,
А садился на добра коня богатырского,
И поехал встречу Часовичам:
170. Перво три братца конем потоптал,
Друго три братца копьём сколол,
Три-то братца полоном взял,
Привез ко щатрику ко белому,
Будил Хотенку со крепка сна:
«Я во твоей служебке повыслужил».
Говорил Хотенушка таковы слова:
«Не твое было дело коня пожурять,
Не твое было дело по полю пырять».
Садилися на добрых коней богатырских,
180. Привязали Часовичей ко стремени седельному
И поехали ко городу ко Киеву.
Увидала тут Часовая жена
Едучи Хотенку с чиста поля,
Насыпала чашу чиста серебра,
Другую чашу красна золота,

Третью чашу скатна жемчуга,
Отнесла Князю Владимиру,
Чтобы дал силы сорок тысячей.
Как завидел силу Хотенка Блудович,
190. Закричал им богатырским покриком:
«Если в полон идете — живы будете,
Если воевать идете — живы не будете:
Я буду вас бить, надвое двоить,
Надвое двоить, натрое троить,
Натрое троить, четвертями четвертить
Я вас на малые на четверти.
Вяжитесь-ка вы своими опоясками шелковыми
По-двое, по-трое в одно место,

170

Подите ко городу ко Киеву,
200. Кричите вы во всю голову:
Есть мы сила полоненая;
Полонил нас Хотенушка Блудович».
Вязались они своим опоясками шелковыми,
По-двое, по-трое в одно место,
Шли ко городу ко Киеву,
Кричат-то во всю голову:
«Есть-то мы сила полоненая,
Полонил нас Хотенушка Блудович». Честная вдова Часовая жена
210. Прибежала ко князю Владимиру,
Сама говорила таковы слова:
«Ай же ты, солнышко Владимир князь,
Назови Чайну Часовичну родной родницей,
Родной, родной племянницей,
Выдай замуж за Хотенку Блудовича». Тут ласковый Владимир князь
Заводил пируваньце — почестный пир
На многих князей, на бояр,
На русских могучих богатырей,
220. И на всю поленицу удалую.
И на том пиру на почестном
Спроговорил ласковый Владимир князь:
«Ай же ты, Хотенушка Блудович!
Хороши твои поступки молодецкие!
Ты смеешься над моей родницей:
Мне ведь Чайна Часовична родна племянница». Ино Хотенушка догадлив был;
Выставал за столика дубового,
Шел на широкий двор,
230. Поставил свой костыль среди двора:
«Ай же ты, ласковый Владимир князь!
Обсыпь мой костыль златом и серебром

С нижнего конца и до верхнего:
Тожно Часовичну за себя возьму,
А нет, так возьму за товарища,
За своего любимого за паробка,
А още ли не будет так, так още перетак:
Отпиши-тко мне-ка семь городов,
Тожно Часовичну за себя возьму».

С т а в е р

- Во стольном было городе во Киеви,
Да у ласкова было князя Владимира,
Было пированыщо — почестной пир
А на многих князей да на бояров,
Да на всех тых гостей званых браных,
Званых браных, гостей приходящих.
Вси-то на пиру да наедалися,
Вси-то на честном да напивалися,
Вси на пиру да порасхвастались.
10. Инный хвалится есть мóлодец добрым конём,
Инный хвастает да шелковым портом,
Инный хвалит села со приселками,
Инный хвалит города да с пригородками.
Богатый хвастат золотой казной,
Умный хвастат родной матушкой,
А безумный хвалится да молодой женой.
Говорил Владимир стольнѣ-киевской:
«Ах ты эй, Ставѣр да сын Годинович!
Приехал ты из земли Ляховицкие,
20. Ты сам сидишь, да ты не хвастаешь.
Аль нету у тебя да золотой казны?
Аль нету у тебя да добрых комоней?
Аль нету сѣл со приселками?
Аль нету городов да с пригородками?
Аль не славна твоя да родна матушка?
Аль нехóроша твоя да молода жена?»
Говорит Ставѣр да сын Годинович:
- «Хоть есть у меня да золотой казны,
Золота казна у мóлодца не тощится,
30. И то мне мóлодцу не похвальба;
Хоть есть у меня да добрых комоней,
Добры комони стоят да все не ездятся,
И то мне мóлодцу не похвальба;
Хоть есть города и с пригородками,
И то мне мóлодцу не похвальба;
Хоть есть и селóв да со приселками,
И то мне мóлодцу не похвальба;
Да хоть славна-то моя родна матушка,
Так и то мне мóлодцу не похвальба;
40. Хоть и хóроша моя да молода жена,
Так и то мне мóлодцу не похвальба;
Вас князей бояр она повыманит,
Тебя, солнышко Владимира, с ума сведет».
Тут все на пиру и призамолкнули.
Испроговорит Владимир стольнѣ-киевской:

- «Мы засадим-то Ставра во по́греба глубокии,
 Да пуццай Ставрова молода жена,
 А Ставра она из погребца повыручит,
 Вас князей бояр да всех повыманит,
 50. А меня Владимира с ума сведет».
- Посадил Ставра во по́греба глубокие.
 А был у Ставра тут свой человек;
 Он садился на Ставрова на добра коня,
 Уезжал во землю Ляховицкую
 К молодой Василисты ко Никуличной:
 «Ах ты эй; Василиста дочь Никулична!
 Ты сидишь да пьешь да забавляешься,
 Над собой невзгодушки не ведаешь.
 Как твой молодой Ставёр да сын Гоудинович
 60. Как посажен он во погребца глубокии,
 Что похвастал он тобой да молодой женой,
 Что князей бояр ты всех повыманишь,
 Его солнышка Владимира с ума сведешь».
- Говорит Василенста дочь Никулична:
 «Мне-ка деньгами выкупать Ставра — не выкупить,
 Если силой выручать Ставра — не выручить,
 Я могу ли, нет, Ставра повыручить
 А своей догадочкою женскою».
- Скорешенько бежала она к фершелам,
 70. Подрубила волосы по-молодецкии,

173

- Накрутиласи Василием Никуличем,
 Брала дружинишки хоробрые
 Сорок молодцев, удалых стрельцев,
 И сорок молодцев, удалых борцев,
 Поехала ко о́граду ко Киеву,
 Ко ласковому князю ко Владимиру.
 Не доедучи до о́града до Киева,
 Пораздёрнула она хорош бел шатер,
 Да й оставила дружину у белá шатра.
80. Сама поехала ко о́граду ко Киеву,
 Ко ласковому князю ко Владимиру.
 Приходит во полаты белокаменны,
 Она крест кладет да по-писа́ному,
 Поклон ведет да по-ученому,
 Она бьет челом да поклоняется,
 На вси три-четыре на стороны,
 Солнышку Владимиру в особину:
 «Здравствуй, солнышко Владимир стольнё-киевской,
 С молодой княгиней со Опраксией!»
90. «Ты откуда есть, уда́лый добрый молодец,
 Ты ко́ей орды, ты ко́ей земли,

- Как тебя именём зовут,
Нарекают те́бя по отечеству?»
Говорит удалый добрый молодец:
«Что я есть из зёмли Ляховицкие,
Того коро́ля сын Ляховицкого,
Молодой Василий да Микулич-де.
Я приехал к вам о добром деле о свáтовстве
На твоей любимóей на дочери.
100. Что же ты со мною будешь делати?»
Говорил Владимир стольнѣ-киевской:
«Я схожу со дочерью подумаю».
Приходит-то ко дочери возлюбленной,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй же, дочь моя возлюблена,
Приехал есть посол земли Ляховицкие,
Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий сын Микулич-де,
Он об добром деле да об сватовстве
110. На тебе любимоей на дочери.
Что же мне с послом-то будет делати?»
Говорит-ко дочь ему возлюблена:
«Ты ей, государь мой родной батюшка!

174

- Что у тебя теперь на разуми?
Отдавать девчину сам за женщину:
Ричь-поговоры все по-женскому,
Пельки мяконьки все по-женскому,
Перцки тоненьки все по-женскому,
Где жуковинья-ты были, да то место знать».
120. Говорил Владимир стольнѣ-киевской:
«Я схожу посла да поотведаю».
Приходит он к послу земли да Ляховицкии,
Сам говорит да таково слово:
«Ах ты эй, посол земли Ляховицкии,
Молодой Василий да Микулич-де!
Не угодно ли с пути да со дороженки
Сходить тебе во парную во баенку?»
Говорил Василии да Микулич-де!
«И это с дороги да не худо бы».
130. Стопили ему парную-то баенку,
Попросили как во парную во баенку,
Он пошел во парную во баенку,
Но покудова Владимир снаряжается,
А посол той порой во баенки попарился.
Из байни-то идет, ему и честь отдает:
«Благодарствуешь на парной на баенки!»
Говорил Владимир стольнѣ-киевской:
«Ты же мене в баенки не подождал,

- Я бы в баенку пришел, а тебе пару поддал,
140. Я бы пару поддал да и тебя обдал». Говорил Василии да Никулич-де:
«Что ваше дело-то домашное,
Домашное дело, княженецкое,
А наше дело-то посольное,
Недосуг ведь долго да нам чваниться,
А во баенки-то долго да нам париться:
Я приехал об добром деле об сватовстве,
На твоей любимой на дочери.
Что же ты со мною будешь делати?»
150. Говорил Владимир стольнѣ-киевской:
«Я схожу со дочерью подумаю». Приходит-то к дочери возлюбленной,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй же, дочь моя возлюблена,
Приехал есть посол земли Ляховицкие,
Того короля сын Ляховицкого,

175

- Молодой Василий сын Микулич-де,
Он об добром деле да об сватовстве,
На тебе любимой на дочери.
160. Что же мне с послом-то будет делати?» Говорит-ко дочь ему возлюблена:
«Ты эй государь мой, родной батюшка!
Что у тебя теперь на разуми?
Отдавать девчину сам за женщину:
Ричь-поговоры все по-женскому,
Пельки мяконьки все по-женскому,
Перцки тоненьки все по-женскому,
Где жуковинья-ты были, да то место знать». Говорил Владимир стольнѣ-киевской:
170. «Я схожу посла да поотведаю». Приходит он к послу земли да Ляховицкии.
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй, посол земли Ляховицкии,
Молодой Василий да Микулич-де,
Не угодно ли тебе да после парной баенки
Отдохнуть во ложни-то во тёпльи?» Говорил Василий да Микулич-де:
«И это после баенки не худо бы». Приходит как во ложню ту во тёплую,
180. Головой-то он ложился где ногам-то быть,
А ногами-то ложился на подушечку.
Как выходит вон из ложни-то из тёпльи,
Шел туда Владимир стольнѣ-киевской,
Посмотрел он ложни его тёпльи,
И сам говорил да таково слово:
«Есть широкие плеча да богатырские».

Говорил Василий да Микулич-де:
«Солнышко Владимир стольнѣ-киевской!
Я приехал ведь об добром деле да об сватовстве,
190. На твоей любимой на дочери,
Что же ты со мною будешь делати?»
Говорил Владимир стольнѣ-киевской:
«Я схожу со дочерью подумаю».
Приходит-то ко дочери возлюбленной
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй же, дочь моя возлюблена,
Приехал есть посол земли Ляховицкие,
Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий сын Микулич-де,

176

200. Он об добром деле да об сватовстве
На тебе любимой на дочери.
Что же мне с послом-то будет делати?»
Говорит-ко дочь ему возлюблена:
Ты эй, государь мой, родной батюшка!
Что тебя теперь на разуми?
Отдавать девчину сам за женщину:
Ричь-поговоры всё по-женскому,
Пельки мяконьки всё по-женскому,
Перщки тоненьки всё по-женскому,
210. Где жуковинья-ты были, да то место знать».
Говорил Владимир стольнѣ-киевской:
«Я схожу посла да поотведаю».
Приходит он к послу земли да Ляховицкии,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй, посол земли Ляховицкие,
Молодой Василий да Микулич-де,
Не угодно ли со моими дворянами потешиться:
Сходить с ними да на широкий двор,
Стрелять в колечко золоченое,
220. Во тое остриё да во ножовое,
Расколоть бы стрелочка да надвое,
Чтобы мерою однаки и весом равны?»
Говорил Василий да Никулич ли:
«Остались стрельци да во чистом поли,
Во чистом поли да у бела шатра:
Неужели самому-то поотведати?»
Выходит он да на широкий двор.
Стал стрелять стрелок да перво князевой:
Первый раз стрелил он не дострелил,
230. Другой раз стрелил он да перестрелил,
Третий раз стрелил он и не попал.

- «Стреляй-ко ты, Василий да Никулин-де».
Как тот Василий да да Никулич-де
Натягиват скорешенько свой тугой лук,
Налагает стрелочку каленую,
Стрелял во колечко золоченое,
Во тое востриё да во ножовое:
Расколл он стрелочку ту надвое,
Оны мерою однаки и весом равны.
240. И сам говорит он таково слово:
«Я приехал ведь о добром деле да об сватовстве
На твоей любимой на дочери.

177

- Что же ты со мною будешь делати?»
Говорил Владимир стольнѣ-киевской:
«Я еще схожу, со дочерью подумаю».
Приходит-то ко дочери возлюбленной,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй же, дочь моя возлюбленна,
Приехал есть посол зѣмли Ляховицкие,
250. Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий сын Никулич-де,
Он об добром деле да об сватовстве,
На тебе любимой на дочери.
Что же мне с послом-то будет делати?»
Говорит-то дочь ему возлюблена:
«Ты эй, государь мой родной батюшка!
Что у тебя теперь на разуми?
Отдавашь девчину сам за женщину:
Ричь-поговоры всё по-женскому,
260. Пельки мяконьки всё по-женскому,
Перщки тоненьки всё по-женскому,
Где жуковинья-ты были, да то место знать».
Говорил Владимир стольнѣ-киевской:
«Я схожу посла да поотведаю».
Приходит он к послу земли да Ляховицкии,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй, посол земли Ляховицкии,
Молодой Василий да Никулич-де!
Не угодно ли со моими дворянами потешиться,
270. На широком-то двори да поборотися?»
Говорил Василий-то Никулич-де:
«Осталися борци да во чистом поли,
В чистом поли да у белá шатра:
Неужоль мне самому да поотведати?»
Выходит он как на широкий двор,
Стал Василий тут боротися:
Того захватит в руку, дрúтого во дрúтую,
Третья склѣснет во серѣдочку,

По-трое зараз он на зѣнь ложил,
280. Которых положит, тыи с места не́ встают.
Говорил Владимир стольне-киевской:
«Молодой Василий да Никудич-де!
Укроти-ко свое сердце богатырское,
Оставь людей мне хоть на сімена».
Говорил Василий да Никулич-де:

178

«Солнышко Влидимир стольне-киевской,
Я приехал ведь об добром деле да об сватовстве,
На твоей любимой на дочери.
Что же ты со мною будешь делати?
290. Если с чести не́ дашь, так возьму не́ с чести,
Не́ с чести возьму, да теби бок набью».
Не пошел он больше и дочери-то спрашивать,
Да стал он дочь свою просватывать.
Как пир идет у них по третий день,
Сегодни им итти да ко божьей церкви,
Принимать с Василием ко злату венцу.
Закручинился Василий, запечалился,
Он повесил свою буйну голову,
Утопил ясны́ очи он во сыру землю.
300. Подходит-то Владимир стольне-киевской:
«Ах ты эй, Василий да Никулич-де,
Что же ты сегодни да невесел есть?»
Говорил Василий да Никулич-де:
«Что-то будет на разуме невесело,
Либо батюшка мой есть да помер ведь,
Либо матушка моя да померла.
Нет ли у тебя да младых загусельщичков,
Поиграть в гусельшка яровчаты?»
Привели они младых загусельщичков,
310. Всѣ они играют — всѣ невесело.
Говорит Василий да Никулич-де:
«Солнышко Владимир стольне-киевской!
Нет ли у тебя да младых затюрёмщичков,
Поиграть во гусельшка яровчаты?»
Повыпустили младых затюрёмщичков
И всѣ они играют — всѣ невесело.
Говорил Василий да Никулич-де:
«Солнышко Владимир стольне-киевской!
Я слышал от родителя от батюшка,
320. Что был посажен наш Ставѣр да сын Гоудинович
У тебя во погребѣ глубокии;
Он горазд играть в гусельшка яровчаты».
Говорил Владимир стольне-киевской:

«Мне как выпустить Ставра́, так не видать Ставра,
А не выпустить Ставра, так разгневить посла».
А не смеет он посла да разгневить,
Он повыпустил Ставра из погреба.
Ставёр стал играть во гусельшка яровчаты,

179

- Развеселился тут Василий-то Ннкулич-де,
330. И сам говорил да таково слово:
«Помнишь-ли, Ставёр, да памяту́ешь ли,
Как мы маленьки на улочку похаживали,
И мы с тобою свачкой поигрывали?
Твоя-то была свачка серебряна,
А мое было кольцо да подзолочено,
Я-то попадывал тогда́-сегды́,
А ты попадывал всегда́-всегда́?»
А Ставёр-то к ричам да не примется,
Годинович ведь в ричи да не вчуется:
340. «Да я с тобою свачкой не игрывал».
Говорил Василий-то Никулич-де:
«Помнишь ли, Ставёр, да памятуешь ли,
Мы ведь вместе с тобой в грамоте училиси?
Как моя была чернильница серебряна,
А твое было перо да подзолочено:
Я-то помакивал тогда́-сегды́
А ты помакивал всегда́-всегда́?»
А Ставёр-то ко к ричам да не примется,
Годинович ведь в ричи да не вчуется:
350. «И я с тобою грамоте не учивался».
Говорил Василий да Никулич-де:
«Солнышко Владимир стольнё-киевской!
Спусти Ставра съездить до белá шатра,
Посмотреть дружинушки хоробрые».
Говорил Владимир стольнё-киевской:
«Мне спустить Ставра, так не видать Ставра,
А не спустить Ставра, так разгневи́ть посла».
А не смеет он посла порозгневить,
Спустил Ставра съездить до белá шатра,
360. Посмотреть дружинушки хоробрые.
Приехали они ко белú шатру,
Слезли они со добрых коней.
Тут мо́лодой Василий да Никулич-де
Зашел он скоренько в хорош бел шатер,
Снимал с себя он платье молодецкое,
Надевал на себе платье женское,
Выходит он на улицу на ши́року,
Сам говорил он таково́ слово:
«Теперича, Ставёр, меня ты знаешь ли?»
370. Говорил Ставер да сын Годинович:

Не поедем больше ко́ граду ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру,
А уедем мы во землю Ляховицкую».
Говорила Василиста дочь Никулична:
«А не честь хвала тебе-ка добру молодцу,
Тебе во́ровски из Киева уехати,
А поедем ко князю ко Владимиру,
Мы станем свадебки доигрывать».

380. Приехали они ко солнышку Владимиру.
Говорил Василий да Микулич-де:
«Солнышко, Владимир стольнё-киевской,
За что был посажен наш Ставёр да сын Годинович,
У тебя во погреба глубокии?»
Говорил Владимир стольнё-киевской:
«А похвастался он своей да молодой женой,
Что князей бояр да повыманит,
Меня, солнышка Владимира, с ума сведет».
Говорила Василиста дочь Никулична:
390. «Так что же у тебя теперь на разуми?
Выдавать девчину сам за женщину,
За меня-то Василисту за Микуличну!»
Тут солнышку Владимиру к стыду пришло,
Повесил свою буйну голову,
Утопил ясны́ очи во сыру землю,
Сам говорил да таково слово:
«Ах ты эй, Ставёр да сын Годинович,
За твою великую за по́хвальбу
А торгуй во нашом во о́граде во Киеве,
400. Ты во Киеве во граде век без пошлины».
Тут Ставёр да сын Годинович,
Поехал он во землю Ляховицкую
С молодою Василистой со Микуличной.
Тут век про Ставра старину́ поют,
Синему морю-то на тишину,
А вам, добрым людям, на послушаньё.